
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

КЪ ЭРАСТУ.

(САТИРА НА ИГРОКОВЪ.)

Соч. Ив. Великопольскаго.

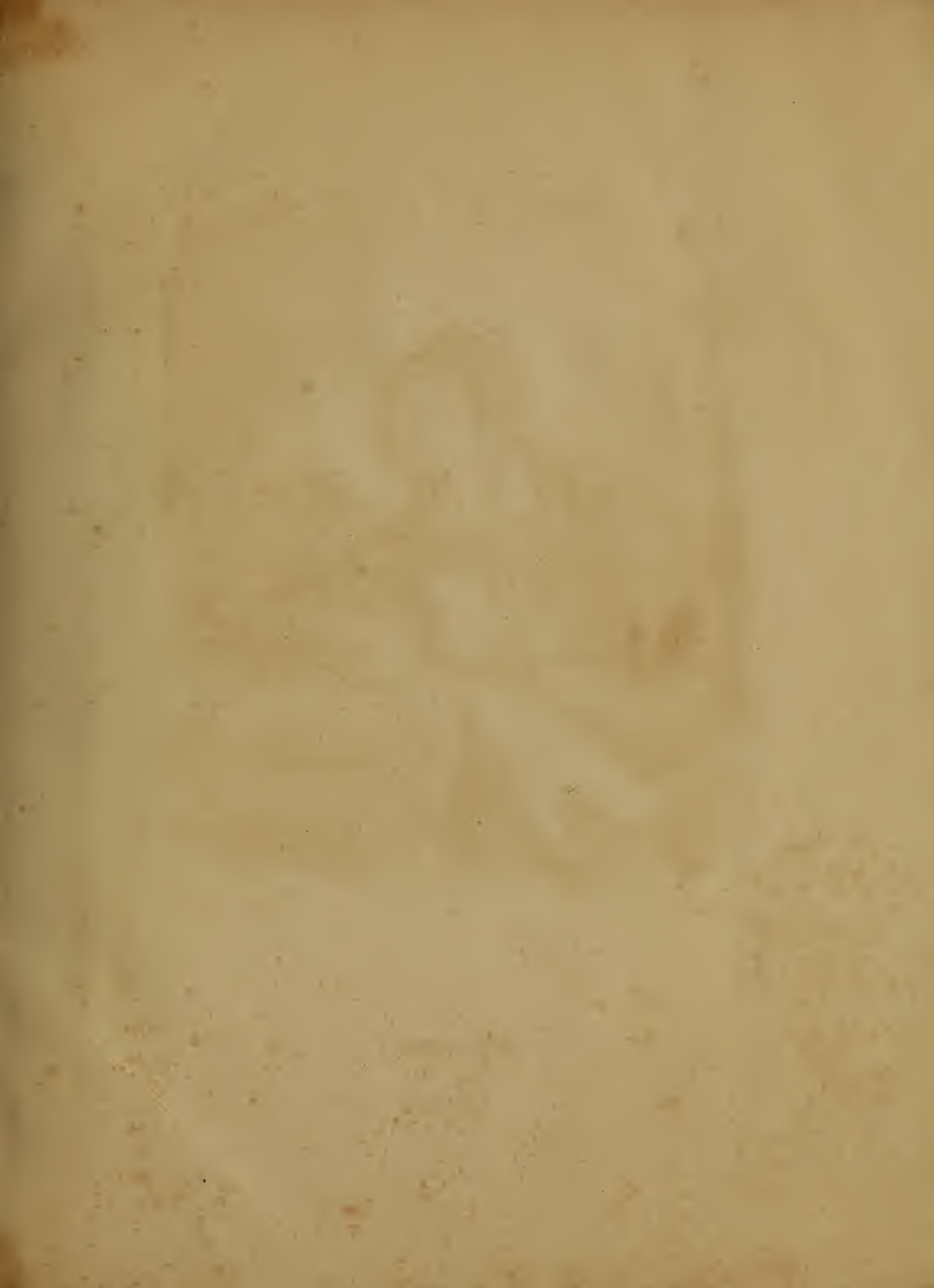

Рис. Гампельнъ, глухонѣмой. *Грав. А. Флоровъ.*

Аристъ.

(Сатира на игроковъ)

Къ Эрасту.

(Сатира на игроковъ.)

Соч. Ив. Великопольскаго.

Ut jugulent homines surgunt de nocte latrones;
Ut te ipsum serves non expergisceris.
Hor.
Разбойники встаютъ ночью для убійства; а ты не просыпаешься для собственнаго спасенія.

Москва.
Въ Типографіи Августа Семена.
1828.

ИГРОКАМЪ.

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Вамъ, чада блѣдныя погибельной игры,
Разсудкомъ, совѣстью, закономъ возпрещенной!
Вамъ, вамъ сей гласъ души, развратомъ раздраженной!
Я ваши наблюдалъ всѣ козни и пиры,
И гордую въ душѣ къ вамъ ненависть питаю!
Нетрепетной рукой завѣсу поднимаю
Съ обуянныхъ всегда корыстію сердецъ.
Не ла́вровый сплесть хочу себѣ вѣнецъ;
Не славы я ищу, но быть хочу полезнымъ.
Да всюду вашъ вертепъ содѣлаю извѣстнымъ!
Да пылкій юноша, сынъ пламенныхъ страстей,
Отравы избѣжитъ губительныхъ сѣтей.
Да старецъ, въ слѣпотѣ который не стыдится
Главу священную порокомъ унижать,
Къ семейству своему и долгу обратится,
И въ дѣтяхъ ненависть къ вамъ будетъ поселять.
Чудовищъ множество на брань вооружаю,
Но съ восхищеніемъ зовуся ихъ врагомъ:
Я добродѣтели едины уважаю,
И не боюсь презрѣть людей порочныхъ сонмъ.

КЪ ЭРАСТУ.

(САТИРА НА ИГРОКОВЪ.)

Эрастъ! Вниманіе! Дрожащею рукою
Беру мое перо. Весь адъ въ душѣ моей.
Я цѣлый день провелъ въ кругу твоихъ друзей.
Отравленъ, изнемогъ; одинъ съ самимъ собою,
Я стражду! Я хочу, я долженъ съ сихъ людей
Торжественно сорвать личину предъ тобою!
Читай:

Дни три назадъ, лишь только я успѣлъ
Повѣстку получить на деньги за имѣнье,
Изволилъ сдѣлать мнѣ внезапно посѣщенье
Пріятель твой Дамонъ. Пошаркалъ, чинно сѣлъ;
Съ жеманной гибкостью затянутаго стана
Привставъ, меня спросилъ: давно ли получалъ
Я письма отъ тебя; съ часокъ потолковалъ
О ведрѣ, о дождѣ, о твердости Султана,
О духѣ Грецiи, о казни Янычаръ.
На всѣ слова свои лія газетный жаръ,
Судилъ о слѣдствіяхъ рѣшеній Аккермана;
Съ Паскевичемъ Мирзу какъ зайца тѣнетилъ;
О мирѣ съ Персіей не могъ спокойно слушать;

И посѣщеніе учтиво заключилъ
На день сегодняшній прося меня откушать.
Не по сердцу мнѣ былъ сей дружескій обѣдъ;
Но какъ отдѣлаться? Къ несчастью онъ сосѣдъ,
Къ томужъ пріятелемъ Эраста назывался;
И такъ, хотя не радъ, но быть я обѣщался.
О еслибъ могъ я знать, чего мой будетъ взоръ
Въ тотъ день свидѣтелемъ! какихъ людей соборъ
Я долженъ повстрѣчать въ вертепѣ семъ разврата,
Гдѣ съ радостью отнять все братъ готовъ у брата;
Гдѣ подлая корысть, отринувъ въ слѣпотѣ
Весь долгъ приличія и совѣсти уставы,
Явилася во всей презрѣнной наготѣ,
И вѣка гордаго уничижила нравы!
О еслибъ зналъ я, то, скорѣебъ ускакалъ
За тридевять земель; скорѣебъ пролежалъ
Въ горячкѣ цѣлый годъ и выпилъ всю аптеку,
Чѣмъ только руку дать такому человѣку.
Но было, не вернешь. — Едва пробило часъ,
Я, дѣлать нечего, отправился. И что же?
Попался первый мнѣ на лѣстницѣ Ликасъ.
Холодный градомъ потъ прошибъ меня. О Боже!
Его ли видѣлъ я? Ликасъ ли это былъ?
Разтрепанный, въ мѣлу, и съ красными глазами.
Куда ты? Что съ тобой? Какими чудесами
Внезапно ты себя такъ страшно изказилъ?
Съ слезами кинулся Ликасъ ко мнѣ на шею.
« Ахъ! Для чего идешь ты къ этому злодѣю?»
— Сказалъ онъ мнѣ. — «Вчера я, какъ-то невзначай,
« Съ прогулки, на бѣду, зашелъ къ нему на чай.

« Вся эта братія, не зная лучше дѣла,
« За карточнымъ столомъ съ утра уже сидѣла.
« Ввязаться въ ихъ игру я въ мысли не имѣлъ, —
« Но взвѣсить кто свои поступки всѣ умѣлъ?
« Я къ нимъ присталъ; къ стыду, на деньги соблазнился;
« Съ пяти часовъ всю ночь какъ каторжный пробился;
« Что было, всё спустилъ; ужъ началъ было въ долгъ,
« И проигралъ бы всё; но Богъ меня сберёгъ!
« Я къ деньгамъ бросилъ имъ цѣпочку и печатки,
« И въ торопяхъ забывъ и шляпу и перчатки,
« Скорѣй отъ нихъ бѣжать со всѣхъ пустился ногъ! »
Сказалъ, на обшевни, и погналъ безъ оглядки. —
Идти мнѣ или нѣтъ? Сталъ думать я. Ликасъ?
Его ужасный видъ, отчаянный разсказъ,
И голосъ внутренній какой-то вѣщей скуки?....
Но я ужь на крыльцѣ? Къ тому же слово далъ?....
И такъ, перекрестясь, пошелъ; но обѣщалъ,
Не только не играть, но картъ не брать и въ руки.
Вхожу въ столовую: съ усталости и муки,
На стульяхъ развалясь, въ углу Ѳедулинъ спитъ;
Лакей храпитъ въ другомъ; въ срединѣ столъ накрытъ.
Прекраснѣйшій приборъ завлекъ мое вниманье.
Но какъ я былъ сраженъ, когда въ немъ разпозналъ
Тотъ самый, изъ Москвы который я прислалъ
Тебѣ въ день имянинъ! Гдѣ дѣлось обѣщанье
Всю жизнь твою хранить сей дружества залогъ?
Ты года одного сберечь его не могъ!
Хотябъ раскаялся, хотя сказалъ бы слово?
Такъ всё преодолѣть игра въ тебѣ готова. —
Но вотъ въ гостиной я. У канапе въ углу,

Подъ траурнымъ сукномъ, весь въ картахъ и мѣлу,
Какъ мѣсто лобное, столъ круглый возвышался;
Межъ картъ передранныхъ, на облитомъ полу,
Кусокъ отъ завтрака оставшійся валялся;
Бутылка брошена безъ горла на окно,
И рюмокъ съ дюжину при ней оспротѣлыхъ;
Кругомъ опущено сторъ темныхъ полотно; —
Какъ будто бы въ корѣ сердецъ ихъ очерствѣлыхъ
Еще не умеръ стыдъ? Какъ будто завѣсъ сторъ,
Скрывая ихъ дѣла, тѣмъ скроетъ ихъ позоръ?
Какъ больно быть должно весь вѣкъ свой находиться
Въ сей унизительной нуждѣ всегда таиться
Отъ взоровъ каждаго; бояться всѣхъ людей;
Глушить всё доброе на совѣсти своей;
И право потерявъ на ближнихъ уваженье,
Оказывать къ себѣ невольное презрѣнье!
Но къ дѣлу. Я вошелъ. — «А! Гость нашъ дорогой!
«Прошу покорнѣйше!» Вскричалъ пріятель твой,
Вскочивши съ канапе и протянувъ мнѣ руку. —
«А мы здѣсь, кое-какъ прогнать желая скуку,
«Сыграться вздумали окончивши бостонъ;
«Да вотъ изъ пустяковъ зашла игра большая.
«Вы не разсердитесь, любезный нашъ Зенонъ?»
Прибавилъ онъ, меня съ усмѣшкой лобызая.
Іуды новаго привѣтствіе принявъ,
Я попросилъ его со мной не принуждаться;
Раскланялся гостямъ, и стулъ порожній взявъ,
Сѣлъ молча у стола игрой ихъ любоваться.
Метръ секты, на софѣ возсѣлъ хозяинъ самъ.
Какъ Идолъ признанный всѣхъ просвѣщенныхъ націй,

Столбцами золото лежа по сторонамъ,
Таилося въ тѣни красивыхъ ассигнацій;
Въ порядкѣ боевомъ колоды передъ нимъ;
Съ нимъ рядомъ на софѣ его товарищъ Климъ;
Вокругъ пунтерщики. Вотъ, совѣсти въ пopуку,
Проворно твой Дамонъ засучиваетъ руку;
Колоду поровнялъ, поправилъ — и пошло.

О ты, подъ чьимъ перомъ достойно разцвѣло
И имя Персія и чувство Боало!
Милоновъ! ты ль, людей изучивая нравы,
Чудовищной игры не обличилъ отравы?
Твоей руки онъ ждалъ, новѣйшій сей Пиѳонъ;
И стрѣлъ тебѣ на то далъ самъ бы Аполлонъ!...
Но ахъ! Вотще мой духъ въ забвеньи я волную!
Мой голосъ не прейдетъ грань жизни вѣковую!
Еще друзья Каменъ любуются пѣвцомъ,
Надъ зеленѣющимъ склонившися вѣнкомъ;
Но нѣтъ уже тебя. Одинъ, могилы хладной
Миротворитель, крестъ, безмолвіемъ святымъ
Привѣтствуетъ твой прахъ; и въ грусти безотрадной
Напрасно плаваетъ надъ камнемъ гробовымъ
Сатиры пламенной тебя взлюбившій Геній!

Съ какимъ я ужасомъ взиралъ на сихъ людей!
Отъ пота влажныя и смутныя какъ тѣни,
Ихъ лица зеркало являли мнѣ страстей.
Одинъ (по счастію я ихъ именъ не знаю)
Близъ печи въ уголкѣ смиренно притаясь,
Сидѣлъ, въ умышленномъ расчетѣ углубясь,

И ясно говорилъ глазами: *выжидаю*!
Корысти Демонъ въ немъ такъ внутренность мутилъ,
Что еслибъ кажется ему лишь случай былъ,
Не токмо золото, онъ радъ бы вырвать душу.
Другой, хоть духомъ малъ, но мѣрою великъ,
На креслахъ бархатныхъ свою развѣсивъ тушу,
Отъ время до́-время свой дергая парикъ,
И нѣжа кошелекъ, который, знать ошибкой,
Фортуна въ слѣпотѣ наполнила биткомъ;
Своими шутками, привѣтливой улыбкой,
Хотѣлъ всѣмъ показать, что вовсе не знакомъ
Онъ съ страстью игроковъ; а ежели играетъ,
То это какъ нибудь чтобъ часъ другой убить
Въ кругу пріятелей. Но хитрымъ трудно быть:
Сквозь маску истина невольно проникаетъ.
Лишь выигралъ сосѣдъ, и блѣдность измѣняетъ
Игривость мнимую въ глазахъ весельчака;
Возмутъ ли кушъ его, и къ парику невольно
Рука подымется.— Съ него на старика
Я взоръ мой обратилъ. Какъ видѣть сердцу больно
Порокъ, священною покрытый сѣдиной.
Пора есть глупостямъ, но и разсудку время
Свое положено. Въ пылу души младой,
Когда насъ не тягчитъ семейственное бремя;
Когда еще живемъ мы больше для себя;
Когда занятія и жизнь свою губя,
Неопытность привесть мы можемъ въ извиненье,
Еще простительно разсудка заблужденье.
Но до преклонныхъ лѣтъ дожившій человѣкъ,
Ошибокъ выше сихъ. Онъ свой ужь отжилъ вѣкъ,

Онъ для дѣтей живетъ. Онъ все свое вниманье
Обязанъ обратить на ихъ образованье.
Вступивъ въ супружество, онъ обязался дать
Отечеству гражданъ; ихъ чувства напитать
Любовью къ доблести, къ пороку отвращеньемъ,
Къ Закону вѣрою; неложнымъ просвѣщеньемъ
Ихъ оградить умы. Названіе *отецъ*
Его поставило на стражѣ ихъ сердецъ.
Гдѣжъ средства лучшія, какія лучше мѣры
Къ образованію неопытныхъ дѣтей,
Какъ не родителей всечастные примѣры?
А онъ какой примѣръ семьѣ даетъ своей,
За карточнымъ столомъ просиживая ночи,
И сутокъ по трое не смѣживая очи,
Отъ картъ опухлыя? Мнѣ скажутъ, что ведетъ
Онъ безошибочный въ игрѣ своей расчетъ?
Что сю онъ свое умножилъ состоянье?
О недостойное порока оправданье!
Порока самаго страшнѣйшее сто кратъ!
Будь лучше нищимъ вѣкъ, чѣмъ средствомъ симъ богатъ!
Ужель нѣтъ мѣръ другихъ нажить себѣ имѣнье?
Взгляните по селамъ: отецъ крестьянъ своихъ,
Стараясь о себѣ, стараясь и о нихъ;
Черезъ умѣренность, труды и сбереженье,
Любмиринъ множитъ свой годъ отъ года доходъ;
Закупинъ капиталъ пускаетъ въ оборотъ,
И честный отъ того прибытокъ получаетъ.
Ужъ если богатѣть кто сильно такъ желаетъ,
Впишися въ гильдію; держи табакъ, вино;
Въ перчаткахъ шерстяныхъ, въ тулупишкѣ овчинномъ,

Обвившись кушакомъ, сиди въ дворѣ гостиномъ
За красной лавочкой. Еще не стыдъ оно,
Лишь былъ бы честенъ торгъ. Но кто живетъ игрою,
И счастливый и нѣтъ, идутъ стезёй одною,
И падаетъ на нихъ презрѣніе равно!
Расчетливый въ игрѣ по мнѣ еще гнуснѣе:
Онъ всѣхъ обыгрывать садится, не играть.
Онъ долженъ каждый часъ, минуту уловлять,
Чтобъ пылкую завесть неопытность хитрѣе.
Но еслибъ онъ игрой и сдѣлался богатъ,
То сынъ его, принявъ и страсть его въ наслѣдство,
Добытое отцемъ чрезъ тоже сбудетъ средство;
И сынъ ли будетъ въ томъ, скажите, виноватъ?
Дерзнетъ ли старецъ сей, съ родительскою властью,
Сказать: *оставь игру*! Лукавый сына видъ
Не тоюль же кольнетъ его постыдной страстью?—
И жалкій сей отецъ, краснѣя, замолчитъ.

Всей мыслью углубясь въ такое размышленье,
Потупясь, я сидѣлъ безъ глазъ и безъ ушей;
Какъ вдругъ внезапный видъ привелъ меня въ смущенье.
Одинъ игрокъ (теперь еще въ душѣ моей
Я трепетъ чувствую, симъ видомъ возбужденный),
На коемъ ужь Дамонъ рядъ цѣлый написалъ;
Неожидаемымъ несчастьемъ раздраженный,
Подъ картой написавъ свой кушъ; *идетъ*, сказалъ;
И голосъ такъ его при этомъ задрожалъ,
Что явно кажется съ сей картою несчастной
Онъ всей судьбы своей рѣшенья ожидалъ.
Въ веснѣ цвѣтущихъ лѣтъ, наружностью прекрасной

Онъ всѣмъ любезенъ бы невольно былъ сердцамъ;
Но скрытный ядъ лился по всѣмъ его чертамъ;
Глаза его, блестя какъ пламенникъ Геенны,
И мѣломъ пять перстовъ на лбу напечатлѣнны,
Являли ясно въ немъ отчаянія видъ.
Шелъ, помнится мнѣ, тузъ. Лица не измѣняя,
По прежнему метать спокойно продолжая,
Дамонъ прокинулъ разъ, другой — и тузъ убитъ.
Аристъ (о имени ужъ послѣ мнѣ сказали)
Схватилъ съ стола туза и съ сердцемъ изорвалъ.
Написаны подъ нимъ двѣ тысячи стояли.
Къ рукѣ склоняся, онъ минуты двѣ молчалъ;
Потомъ, души своей волненье удержавши,
Всѣ ассигнаціи изъ книжки вынулъ вонъ,
И съ полнымъ кошелькомъ ихъ положилъ, сказавши:
Мы квитъ. «Несчастливо!» промолвилъ твой Дамонъ.
Несчастливо! въ душѣ я повторилъ невольно!
«А что же, будете играть еще?» — Довольно!
Стѣсненнымъ голосомъ несчастный отвѣчалъ.
Всѣ деньги передъ нимъ въ молчаньи сосчиталъ,
И съ навернувшимись въ глазахъ его слезами,
Ушелъ въ столовую. Невольно увлеченъ,
И я пошелъ за нимъ. Широкими шагами
Ходя по комнатѣ, казался погруженъ
Онъ въ мысли страшныя. Глаза его, сверкая,
Изобличали всю страстей его борьбу.
Вы худо кончили? сказалъ я. «Да! играя,
«Во многомъ мы должны испытывать судьбу;»
Холодный былъ отвѣтъ. — Послушайте! съ участьемъ
Аристу я сказалъ; я тронутъ симъ несчастьемъ,

И съ вами искренно готовъ его дѣлить.
Изъ вашихъ словъ и дѣлъ я долженъ заключить,
Что вы завлечены нечаянно игрою.
Не рѣдко молодость, съ довѣрчивой душою,
Бываетъ жертвою разставленныхъ сѣтей.
Вы и не первая, и вѣрьте къ сожалѣнью,
И не послѣдняя добыча сихъ людей.
Аристъ заплакалъ вдругъ. По сродному движенью
И я заплакалъ съ нимъ. Мы сѣли у стола.
Минута первая молчанія была;
Но наконецъ, всплеснувъ обѣими руками:
« Зачѣмъ здѣсь ранѣе не встрѣтился я съ вами?»
Мнѣ съ чувствомъ онъ сказалъ. « Хотя и въ первый разъ
« Мы здѣсь увидѣлись; но симъ участьемъ, сроднымъ
« Подобныхъ вамъ людей порывамъ благороднымъ,
« Вы принуждаете любить невольно васъ.
« Мое несчастіе тѣмъ болѣе мнѣ больно,
« Что я ему себя подвергнулъ добровольно.
« Я долженъ быть теперь и гнусенъ и смѣшенъ.
« Но Бога ради, я къ вамъ такъ уже привязанъ,
« Не презирайте мной! Я слишкомъ ужь наказанъ,
« Самъ будучи къ себѣ почтенія лишенъ!»
Нѣтъ! вы внушаете невольно уваженье!
Я, тронутый въ душѣ, Аристу отвѣчалъ.
Кто въ жизни не бывалъ добычей заблужденья?
И я моей судьбы превратность испыталъ.
Но добровольное, открытое признанье
Проступка своего, — вотъ добрыхъ душъ стяжанье!
Съ такимъ сокровищемъ могли вы иногда
Виновнымъ сдѣлаться, порочнымъ — никогда.

Но сколько вижу я, причина сей печали
Не столько проигрышъ, но... «Такъ! Вы прочитали
« Въ моей душѣ! Я всё обязанъ вамъ сказать.
« Я молодъ, пылокъ, но душою не развратенъ,
« И голосъ совѣсти еще мнѣ слишкомъ внятенъ.
« Когдабъ я былъ одинъ, скорѣе бы прощать
« Я могъ себѣ вины; но я имѣю мать,
« Которая во мнѣ все видитъ утѣшенье.
« Ахъ! Много отъ меня ей было огорченья!
« Всё было прощено! Имѣвъ такой урокъ,
« Я слово далъ себѣ на вѣкъ остепениться,
« И сталъ покойнѣе. Такъ цѣлый годъ протёкъ,
« И участь наконецъ моя перемѣниться
« Уже готовилась. Я названъ женихомъ.
« Ахъ! Испытали ль вы все счастье наслажденья
« Дѣлиться чувствами съ любезнымъ существомъ,
« Предметомъ общаго, невольнаго почтенья?
« Не говорю любви: любить ее и знать —
« Всё тоже! Ахъ! Въ мечтахъ моей счастливой страсти,
« Я всѣ уже забылъ минувшія напасти!
« Какъ часто, въ радости, моя старушка мать
« Меня съ горячностью ко груди прижимала,
« Съ любовью нѣжною мой выборъ одобряла;
« И я судьбу мою читалъ въ ея слезахъ.
« Съ отрадой на сердцѣ, съ любовью на устахъ,
« Я веселъ былъ въ душѣ, въ умѣ моемъ покоенъ;
« Тогда я по всему былъ счастія достоинъ....
« Теперь всё кончено! Я самъ себѣ врагомъ!
« Будь проклятъ часъ, когда вошелъ я въ этотъ домъ!...
— Мы не богаты, но, отъ небольшихъ доходовъ,

« Хозяйствомъ и трудомъ собрали капиталъ.
« Въ Приказѣ городскомъ въ процентахъ онъ лежалъ,
« И былъ назначенъ мнѣ для свадебныхъ расходовъ.
« Я ѣзжу, хлопочу, подарки раздаю;
« Нѣтъ средства получить. Вдругъ на бѣду мою
« Является Дамонъ, услуги предлагаетъ,
« И въ дѣлѣ наконецъ на чудо успѣваетъ.
« Не зналъ я: какъ за то его благодарить?
« Не всякой такъ въ чужомъ заботливъ можетъ быть!
« Теперь, къ несчастію, для моего позора,
« Причину дружбы сей узналъ я слишкомъ скоро.
« Третьяго-дня, едва начался первый звонъ,
« Съ восторгомъ дружескимъ влетѣлъ ко мнѣ Дамонъ:
« Ну радуйся, мой другъ! я завтра пріѣзжаю,
« И скачемъ раззорять упрямый нашъ Приказъ;
« А тамъ прошу ко мнѣ, и я въ веселый часъ
« Бутылку для дружка одинъ опорожняю! —
« Вчера я получилъ, пріѣхали сюда:
« Бутылка хлопнула, въ бокалы заструилось.
« Онъ началъ подчивать. Я мало пью всегда,
« И въ головѣ моей невольно закружилось.
« Сперва явился Климъ, потомъ вошелъ другой,
« И третій. Ставятъ столъ, мнѣ карту предлагаютъ;
« Я сѣлъ, а между тѣмъ вино бѣжитъ рѣкой.
« Бьетъ часъ. Я знать даю, что быть нельзя домой.
« Обѣдъ роскошнѣйшій, вино виномъ смѣняютъ;
« Я сдѣлался такъ пьянъ, какъ не былъ никогда.
« Но мнѣ готовилась важнѣйшая бѣда.
« Окончивши бостонъ, хозяинъ для забавы
« Затѣилъ банкъ. Мы всѣ въ сужденьяхъ нашихъ правы;

« И пьяный могъ ли я собою управлять?
« Я думалъ: почему жъ и мнѣ тутъ не присташь?
« Банчишка сто рублей, а тысячи въ карманѣ?
« Сперва по маленькой, а тамъ во банкъ, и взялъ.
« Климъ новый заложилъ, я вмигъ и тотъ сорвалъ.
« А между тѣмъ вино подбавлено въ стаканѣ.
« Смотрю: Дамонъ кладетъ на столъ ужъ тысячь пять.
« Игравъ на сто рублей, тутъ глупо не играть.
« Мы разобрали всѣ вокругъ стола по мѣсту.
« Сначала счастіе мнѣ начало служить;
« Потомъ онъ началъ бить, и бить, и бить, и бить;
« Я всё забылъ: и мать, и свадьбу, и невѣсту.
« Въ горячности меня бросало въ знобъ и жаръ.
« Ночь бился напролётъ; къ разсвѣту винный паръ
« Прошелъ; но поздно ужъ. Конца вы самъ свидѣтель.»
Послѣднее съ трудомъ отъ слёзъ онъ досказалъ.
Едва крѣпясь душой, я передъ нимъ молчалъ. —
Такъ гибнетъ юная во цвѣтѣ добродѣтель!
Скажите: что-же вы предпримете? — « Клянусь,
« Не знаю!» Онъ, вскочивъ, мнѣ отвѣчалъ въ смятеньи.
« Душа моя въ борьбѣ, мой умъ въ недоумѣньи.
« Съ какимъ лицомъ теперь домой я покажусь?
« Я чуждымъ сталъ всего. Я не могу представить,
« Какъ встрѣчусь съ матерью. Я знаю напередъ,
« Что эта вѣсть ее въ глазахъ моихъ убьетъ
« О свадьбѣ же и мысль я принужденъ оставить,»
Прибавилъ онъ; закрылъ лице платкомъ, и сѣлъ.
— Утѣшьтесь! Вы еще имѣете имѣнье;
Невѣста, матушка, простятъ. « Нѣтъ! Утѣшенья
« Напрасны! Вамъ сказать я прежде не хотѣлъ,

« Но всё скажу! Со мной еще пять тысячь было
« Казенныхъ. Завтра въ нихъ потребуютъ отчетъ —
« И я солдатъ. Ничто меня ужь не спасетъ!
« Тогда. . . . . Но кончимте! . . . . Весь духъ мой захватило! . . .
И вдругъ ушелъ.— Одинъ, его я долго ждалъ,
Ходилъ по комнатѣ, минуты всѣ считалъ;
Ариста нѣтъ. Гдѣжъ онъ? Въ предчувствіяхъ ужасныхъ,
Его отчаянье, рѣшительность: тьма разныхъ
Входило мыслей мнѣ. И вотъ я самъ пошелъ
Его отыскивать. Слуга меня провелъ
Къ какой-то комнаткѣ. Съ двери ея стекляной,
Легонько приподнялъ я занавѣсъ тафтяной —
И тамъ Аристъ. На столъ, съ безмолвіемъ нѣмымъ,
Сидитъ склонясь; жилетъ разстегнутъ; передъ нимъ
Нагрудный Образъ. . . . Онъ молился. Слезы градомъ,
Какъ зерны жемчуга, сверкали надъ окладомъ.
Въ почтеніи къ нему недвижно я стоялъ,
И самъ невольно, самъ молитву прочиталъ.
Я молча жду; но вотъ, окончивши моленье,
Онъ тихо всталъ, сложилъ свой Образъ, застегнулъ
Жилетъ, и вкругъ себя съ спокойствіемъ взглянулъ.
Подобно такъ больной, по тягостномъ забвеньи,
Приходитъ въ память. Я вошелъ. Мнѣ руку сжавъ,
И съ вѣрой къ образу на грудь ее поднявъ:
« Теперь надежда здѣсь!— » сказалъ онъ «— я спокоенъ!
« Пойдемте!— » Мы пошли. Весь духъ мой былъ разстроенъ.
Я тихо слѣдовалъ, невольно имъ ведомъ,
И чувствовалъ въ душѣ какой-то дальній громъ.
Вошли въ гостиную. Внимательно глазами
Его преслѣдую:—онъ къ банку. Тутъ руками

Невольно я всплеснулъ. Съ увѣреннымъ лицомъ
Приближившись къ столу, онъ взялъ колоду, вынулъ
Двѣ карты на угадъ, на столъ спокойно кинулъ,
И снявши медленно карманные часы,
Сказалъ: «въ пять сотъ на двухъ!»— Всѣ карты положили.
Аристъ казался тихъ, но скоро двѣ слезы
Души разстроенной всю тайну обличили.
Не смѣя говорить, я въ страхѣ ждалъ конца.
Климъ посмотрѣлъ часы, ихъ передалъ Дамону;
Дамонъ потеръ, открылъ, прислушался къ ихъ звону;
Взглянулъ на насъ, потомъ, не измѣнивъ лица,
Подумалъ, погадалъ, и, обмѣнивъ колоду,
Далъ снять. Прокинулъ разъ: плюе. Аристъ открылъ —
И есть ужь. Поблѣднѣлъ, затресся весь, схватилъ
Себя за Образъ и, какъ бы окунутъ въ воду,
Покрылся потомъ вдругъ. Загнувъ плюе: «къ другой,»
Сказалъ, и снова смолкъ. Всѣ ждутъ, всѣ блещутъ очи;
Еще. . . . . И вотъ: валетъ на право. Боже мой!
Аристъ? . . . Въ отчаяньи, въ безпамятствѣ, что мочи
Рванулъ свой Образъ онъ, швырнулъ его ногой.
Куски рубашки, кровь, скрежещущіе зубы,
Глаза горящіе, синѣющія губы,
Ругательства и крикъ; всё, всё явило въ немъ
Разстройство полное. Молчало всё кругомъ.
Страхъ объялъ каждаго, никто не шевелился.
Я видѣлъ: самъ Дамонъ, Дамонъ перекрестился. . . .
Что послѣ было тамъ, не знаю. Радъ ужь радъ,
Что могъ прибиться въ дверь, и не смотрѣлъ назадъ. . . .
Аристъ? . . . Возможно ли? . . . Я болѣе ни слова.
Отъ слезъ моя душа вся вылиться готова. P. S.

Post-Scriptum.

(На другой день.)

Аристъ сошелъ съ ума; съ нимъ бѣшенство и жаръ.
Я видѣлъ самъ его. Отъ матери хотѣли
До времени то скрыть, но какъ-то не умѣли,
И съ первой вѣстію ей сдѣлался ударъ.
Невѣсты не видалъ, но лучше безъ сомнѣнья
И не видать. И такъ, вотъ слѣдствія. Читай,
И цѣну полную друзьямъ твоимъ узнай!

Эрастъ! Я внѣ себя! Вся кровь моя въ движеньи!
Ты другъ достоинствамъ, ты любишь просвѣщенье;
Среди какихъ людей вовлекъ тебя твой рокъ?
Въ кругу ихъ быть есть зло, любить ихъ есть порокъ.
Вглядись въ нихъ пристально: не говоря о тратѣ
Здоровья и часовъ, о жизненномъ развратѣ;
Скажи: въ какой странѣ, подъ скипетромъ какимъ,
Гдѣ добродѣтель чтятъ, гдѣ злу есть казнь позора;
Безнравственный игрокъ бывалъ когда терпимъ?
Къ чему пригоденъ онъ согражданамъ своимъ?
Несчастнымъ ли въ бѣдахъ избранная подпора,
Закона врагъ, судьей возсядетъ онъ предъ нимъ?—
И дѣлу честному, какъ и честно́му слову,
Не честь, одну корысть принявъ себѣ въ основу,
Онъ взвѣситъ золотомъ ихъ каждую слезу.
Но съ нимъ въ домашній бытъ я взоръ перенесу.
Промучившись всю ночь, въ обѣдъ едва онъ встанетъ.
Полдня уже прошло, но счастливъ что проспалъ:
Всё утро безъ игры, что дѣлать бы онъ сталъ?

Увядшій духъ его къ занятію не тянетъ,
Безъ жизни сердце въ немъ, разсудокъ въ вѣчной тьмѣ,
Лишь карты подъ рукой, и карты на умѣ.
Едва одѣлся онъ, и закричалъ карету.
Куда? — Искать игры, или въ трактиръ къ обѣду.
Смерть дома одному.— Женатъ ли? Хуже! тутъ
Всё слёзы чистыя во слѣдъ ему текутъ.
Ты помнишь Дивина? Едва успѣвъ жениться,
Поѣхалъ онъ въ М* * * * съ женой повеселиться.
Навезъ туда съ собой тьму денегъ, тьму вещей,
И плановъ тысячу, и мыслей тьму богатыхъ;
Нѣтъ мѣры для любви, нѣтъ мѣры для затѣй.
Жена, еще дитя, въ мечтахъ замысловатыхъ
Заранѣе себя сочла уже въ раю;
Но, не успѣвъ ступить къ пріятелямъ ногою,
Привычку старую возобновивъ свою,
Онъ всё, и честь и долгъ, утратилъ за игрою;
Всё проклялъ: и жену, и будущихъ дѣтей.
Недѣлю цѣлую домой не показался.
Напрасно за посломъ, посолъ къ нему являлся;
Супругъ ихъ провожалъ толчками отъ дверей.
Всѣ планы пышные какъ будто бы утопли;
И проигравши всё: карету, лошадей,
И шубу; нашъ герой, поворотивъ оглобли,
Съ женою поскорѣй въ деревню ускакалъ,
Въ шинелькѣ тоненькой среди Генварской стужи.
Женѣ не удалось не только видѣть балъ,
Едва ль и на театръ взглянуть, и то снаружи. . . .
И ты ль въ примѣръ себѣ развратъ поставишь сей?
Эрастъ! Будь справедливъ! Признайся въ заблужденьи!

Еще ты не погибъ, еще души въ стремленьи,
Ты можешь удержать пылъ юности твоей.
Покуда время есть, бѣги отъ сей отравы.
Привычка сильная такъ дѣйствуетъ на нравы,
Что благо жизни всей зависитъ отъ нее.
Начало шалости въ обычай обратится,
И раноль, поздно ли, порокъ возмётъ свое.
Невольно вся душа въ предчувствіи томится.
Тѣмъ больше мысль о томъ меня тревожитъ, другъ,
Что разъ лишь потерять, не возвратишь урона;
А я не поручусь ни за душу Дамона,
Ни за единый съемъ его проворныхъ рукъ.

Печатать позволено, съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи, представлено было *семь* экземпляровъ сей книги въ Цензурный Комитетъ, для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. Москва, Генваря 10 дня, 1828 года.

Въ должности Предсѣдателя, Цензоръ Сергѣй Аксаковъ.

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS
WERT
BOOKBINDING
Grantville Pa
Sept—Oct 1987